
Лолита
ЛАНСКАЯ
РАЗВОД
В 55
16+
Измена спустя столько лет?

Лолита Ланская

Развод в 55. Измена спустя столько лет?

https://litres.ru/74710603
SelfPub; 2026

Аннотация

Муж дождался, пока Елена вырастит детей, выплатит с ним ипотеку и похоронит его мать. А вечером после её пятидесятипятилетия объявил, что теперь хочет пожить для себя — с другой женщиной.

— Дети знают, мы всё обсудили. Тебя никто не бросит.

Тридцать три года брака, шесть лет измены и обещание не оставлять без присмотра. Пока Лена ухаживала за больной свекровью, Виктор возил любовницу к морю. Теперь ей предлагают квартиру поближе к дочери, внучку на лето и место за семейным столом, где придётся улыбаться бывшему мужу. Никто не спросил, согласна ли она.

Лена ещё плачет по ночам и однажды сама просит его вернуться. Но у неё появляются работа, собственные планы и мужчина, которому интересна она сама, а не приготовленный ужин.

И теперь Виктор вспоминает, что у них семья и общий дом, в котором чужому мужчине не место. Он готов признать вину и начать сначала, а дети просят дать отцу шанс.

Но что, если самое страшное после измены — не остаться одной, а снова поверить тому, кто уже предал?

Содержание

Глава 1. После гостей 5
Глава 2. Кто ещё знал 26
Конец ознакомительного фрагмента. 48

Развод в 55. Измена спустя столько лет?

Глава 1. После гостей

– Лен, ты присядь, пожалуйста. Я хотел дождаться твоего дня рождения, чтобы не портить праздник, но дальше откладывать уже не могу, – сказал Виктор, подвинув стул так, чтобы между ним и столом осталось побольше места.

Елена остановилась с блюдом в руках. На нём лежали два подсохших ломтика сыра и виноградина, которую Соня весь вечер пыталась наколоть на вилку, пока Даша не рассердилась и не велела ей взять руками. Скатерть возле детского места была залита соком. Хорошо бы замочить сейчас, иначе утром пятно уже не отойдёт.

– Ты так говоришь, будто машину разбил, а признаться решил, когда я подобрею после поздравлений, – отозвалась она с усталой улыбкой. – Дай хоть со стола уберу, тут осталось-то всего ничего.

– У меня есть другая женщина, Лен, и я решил уйти к ней, – произнёс он, глядя на ворот её блузки; губы у него были плотно сжаты, как перед неприятным разговором на работе.

Блюдо оказалось тяжёлым, хотя ещё секунду назад Елена совсем не чувствовала его веса. Она поставила его на стол,

прямо на мокрое пятно, и некоторое время смотрела на собственную руку. Под обручальным кольцом оставалась влага: она мыла посуду и опять забыла его снять.

Виктор ждал, не улыбаясь и не пытаясь объяснить, что она его неправильно поняла.

Из кухни доносилось ровное гудение посудомойки. Елена включила её минут десять назад, сразу после ухода Даши. Дочь ещё вернулась с крыльца за Сониной варежкой, поцеловала мать возле уха и попросила не вставать завтра слишком рано: после такого вечера нужно отдохнуть.

– Подожди, я, наверное, сейчас чего-то не понимаю, – сказала Елена и зачем-то отодвинула блюдо от края. – Ты про какую женщину говоришь? У тебя что, с кем-то что-то случилось?

– Это не случайная история. Я давно собирался с тобой поговорить, только подходящего времени всё не было, – ответил он, потирая большим пальцем сустав указательного; эту привычку она знала ещё с тех пор, когда он сдавал экзамены и прятал от неё своё волнение.

Она села, потому что стоять стало неудобно. Стул упирался ножкой в складку ковра, и Елена машинально поправила его, прежде чем поднять на мужа глаза.

На Викторе была светло-серая рубашка, которую она гладила днём. У левой манжеты осталась крошечная складка: она заметила её уже за столом и тогда подумала, что никто, кроме неё, всё равно не увидит. Теперь почему-то смотрела

именно туда.

– А сегодня, значит, время подходящее нашлось? – спросила она, нахмурившись. – Я ещё свечи с торта убрать не успела, Витя.

Он оглянулся на буфет, где стояла открытая коробка. Даша заказала торт с ягодами, а Соня настояла на пяти розовых свечах и пяти белых, потому что две одинаковые пятёрки ей не понравились.

– Я не хотел при гостях и не хотел с утра. Ты бы весь день переживала, – объяснил Виктор с такой осторожностью, будто от правильного выбора слов сейчас зависело, удастся ли избежать неприятной сцены.

Елена почувствовала, как у неё начинает гореть лицо.

– То есть ты весь день смотрел, как я готовлю, потом сидел рядом, поднимал бокал, желал мне здоровья… Ты ведь сам сегодня сказал, что мы ещё поживём для себя, – напомнила она; голос пока оставался негромким, но улыбка окончательно исчезла.

Виктор опустил глаза. Она помнила его тост почти целиком, хотя обычно забывала такие вещи сразу. Он сказал, что Леночка у них человек незаменимый, что без неё этот дом давно развалился бы и что теперь, когда дети выросли, пора наконец немного пожить для себя. Даша тогда торопливо потянулась за бокалом, а Елена подумала про море.

Они обсуждали поездку в мае. Вернее, она обсуждала, а Виктор говорил, что нужно посмотреть по работе. Но ведь

он не отказался и даже спросил, почему она выбрала именно тот отель, и она объяснила, что там тихо, нормальный пляж и вечером можно гулять по набережной, а не слушать музыку из ресторана до двух ночи.

– Я говорил искренне. Ты действительно очень много для нас сделала, – ответил он наконец, поднимая на неё тяжёлый, недовольный взгляд.

– Не надо сейчас так говорить, пожалуйста, – попросила Елена, проведя ладонью по щеке. – У меня от этого ощущение, что мне грамоту вручают перед тем, как уволить. Ты лучше объясни, что происходит, потому что я пока вообще ничего не понимаю.

Он вздохнул и посмотрел на стоявший перед ним пустой стакан. Елена чуть не потянулась за бутылкой воды, но остановила руку на полпути.

– Её зовут Марина. Мы вместе, и я больше не хочу жить вот так, постоянно врать тебе и ей, – проговорил Виктор; на последних словах он выпрямился, словно наконец добрался до той части объяснения, в которой был уверен.

У женщины оказалось имя, и от этого всё стало гораздо неприятнее. До сих пор Елена слышала какие-то слова, которые ещё можно было переспросить, исправить, вернуть обратно. Теперь где-то существовала Марина, и Виктор явно знал, где она сейчас и что делает.

– А она знает, что ты женат? Ты ей вообще про меня говорил? – спросила Елена, глядя на него так внимательно, что

у неё начали болеть глаза.

– Конечно, знает. Лен, я никого не обманывал насчёт семьи.

Она коротко втянула воздух, но засмеяться не получилось.

– Кроме меня, получается, никого не обманывал. Хотя я, по-моему, тоже к этой семье отношусь, – сказала она, и Виктор поморщился, будто она нарочно передёрнула его слова.

Он потянулся к ней через стол, однако между ними стояла салатница. Пришлось сначала отодвинуть её, и за это время Елена успела убрать руки на колени.

– Сколько ей лет, этой твоей Марине? – спросила она, опустив взгляд на свои пальцы.

Ей сразу стало стыдно за вопрос. Не хотелось выглядеть женщиной, которая первым делом сравнивает возраст, лицо, фигуру, пытается угадать, где именно оказалась хуже. Но она уже представила себе кого-то молодого, с гладкой шеей и лёгким смехом, кому не нужно просыпаться ночью от чужого кашля.

– Ей сорок семь. Она взрослый самостоятельный человек, у неё работа, дочь, своя квартира, – ответил Виктор чуть быстрее, чем до этого; лицо у него стало спокойнее, словно он наконец мог сообщить нечто, способное её утешить.

Елена посмотрела на него.

– А ты зачем мне сейчас её квартиру перечисляешь? Чтобы я обрадовалась, что она тебя не ради денег подобрала?

– спросила она; в голосе появилась злость, и от неё хотя бы перестали так сильно дрожать губы.

– Я просто не хочу, чтобы ты себе придумывала неизвестно что. Это не девочка, которой от меня что-то нужно, у нас серьёзные отношения.

Слова «серьёзные отношения» он произнёс почти с достоинством. Елена почувствовала себя лишней в разговоре о чём-то важном, что происходило у него в жизни.

– И давно они у вас такие серьёзные? Ты можешь мне сказать нормально, без этого своего «давно собирался»? – потребовала она, наклонившись вперёд.

Он сначала потёр переносицу, потом убрал руку и ответил:

– Шесть лет уже, Лен. Я понимаю, как это сейчас звучит, только давай ты сначала меня выслушаешь.

Елена откинулась на спинку стула. Ей показалось, что она ослышалась, но переспросить не удалось: рот пересох так сильно, что язык прилип к нёбу.

Шесть лет назад ей ещё не было пятидесяти. Нина Петровна сама ходила в магазин и ругалась на Лену за то, что та покупает слишком дорогой творог. Они только собирались менять крышу, Паша ещё учился, а Даша только осваивалась с маленькой Соней.

Елена попыталась вспомнить Виктора в то время и увидела его совершенно обычным: стоял во дворе с телефоном, сердился на кровельщиков, вечером просил разогреть ужин.

Никакого другого человека рядом с ним в её памяти не было.

– Ты сейчас хочешь сказать, что все эти годы приходил домой от неё? – спросила она наконец, и собственный голос показался ей чужим, хриплым. – Мы с тобой жили, спали вместе, ездили к детям, а у тебя всё это время была ещё одна жизнь?

– Не надо говорить так, будто здесь для меня ничего не было, – возразил Виктор, нахмурившись. – Я семью не бросал, занимался домом, работал. Ты же не можешь сказать, что я совсем ни в чём не участвовал.

Она смотрела на него и не понимала, зачем он перечисляет это именно сейчас.

– Витя, я не спрашиваю, участвовал ты или нет. Я спрашиваю, как ты мог ко мне возвращаться и ничего не говорить, – произнесла она медленно, стараясь, чтобы он услышал. – Я тебе рассказывала, как день прошёл, что мама ела, что врач сказал. Ты ведь слушал меня, отвечал что-то, ложился рядом. Тебе совсем ничего не мешало?

Он отвернулся к окну. За стеклом было темно, только снег возле крыльца светился под фонарём.

– Мне тоже было непросто, хотя ты сейчас, конечно, не поверишь. Я много раз хотел всё закончить и пытался, только не получилось, – сказал он, не поворачивая головы.

– А что именно ты хотел закончить, у тебя это как-то менялось по обстоятельствам? – спросила Елена, и он резко посмотрел на неё.

Она сама испугалась того, как прозвучал её голос. Обычно даже в серьёзных ссорах она старалась не говорить обидного, после чего трудно мириться. Сейчас обидные слова лезли в голову одно за другим, и ей приходилось удерживать их, чтобы ещё хоть что-нибудь выяснить.

Виктор открыл рот, но она заговорила раньше:

– Когда мама заболела, ты уже был с ней? Когда я тебе звонила и говорила, что одна не справляюсь, ты мог в это время у неё сидеть?

– Лен, не надо сейчас смешивать всё подряд. Ты прекрасно знаешь, что я не мог бросить работу и постоянно находиться дома, – ответил он с раздражением, которое тут же попытался скрыть. – Мы делали то, что могли, и мама до конца была с нами.

Елена прижала ладонь ко рту. Вспомнила ночник в комнате свекрови, чашку с носиком, влажные от постоянного мытья руки. Четыре года болезни постепенно лишили свекровь почти всей самостоятельности. Последние месяцы Нина Петровна боялась оставаться одна и звала её даже тогда, когда Лена уходила на кухню поставить чайник.

После похорон она ещё долго просыпалась от уверенности, что её позвали. Виктор говорил, что это пройдёт, нужно только выспаться.

– Я не про работу тебя спрашиваю, – сказала она, опустив руку. – Господи, ну почему ты мне отвечаешь так, будто я дурочка и не понимаю, о чём речь?

Он снова потянулся к стакану, увидел, что тот пуст, и поставил обратно. На этот раз Елена даже не подумала налить ему воды.

– Я понимаю, что ты злишься, и имеешь право. Но мы прожили тридцать три года, у нас дети, внучка. Неужели теперь всё хорошее тоже нужно вычеркнуть? – спросил Виктор, стараясь поймать её взгляд.

– Я пока даже не знаю, что у нас было хорошим по-настоящему, а что ты для приличия делал, – ответила она, и слёзы наконец покатились по щекам. – Вот сегодня ты меня обнимал, когда все поздравляли. Ты зачем это делал, если уже собирался уходить?

Он смотрел на неё с мучительным выражением, и ещё час назад она обязательно спросила бы, что у него болит.

– Потому что ты мне не чужая, Лен. И никогда чужой не будешь, сколько бы ты сейчас ни говорила страшных вещей, – произнёс он тихо.

Елена вытерла лицо ладонями. На коже остались влажные следы туши. Она видела их на пальцах и почему-то думала, что тушь Даша подарила хорошую, дорогую, обещала, что та совсем не осыпается.

– А ты её любишь? Только не начинай опять про то, что я тебе не чужая, я сейчас про другую женщину спрашиваю, – сказала она, подняв на него опухавшие глаза.

Виктор помолчал, потом кивнул.

– Да, я её люблю и хочу с ней жить. Мне очень жаль, что

тебе приходится это слышать, но дальше обманывать тебя было бы ещё хуже.

Елена отвернулась. Несколько секунд она смотрела на буфет, где рядом с тортом стояли цветы от Даши – дочь заказала букет через знакомую и весь вечер переживала, чтобы розы не поникли.

Гости ещё недавно сидели здесь и говорили, что Лена прекрасно выглядит, что пятьдесят пять – совсем не возраст, что теперь можно заняться собой. Она смеялась вместе со всеми, поправляла на Викторе воротник, подливала ему чай. Паша поздравлял по видеосвязи: вырваться с работы в другом городе к самому юбилею у него не получилось.

– А когда ты решил, что дальше уже хуже? – спросила она, не глядя на мужа. – После похорон или сегодня, пока я горячее в духовку ставила?

– Я хотел дать тебе прийти в себя после мамы. Потом приближался юбилей, ты готовилась, радовалась, и я не мог всё испортить заранее, – ответил он, устало опуская плечи.

Она медленно повернулась к нему.

– Ты ведь сейчас серьёзно считаешь, что меня пожалел, да? – спросила Елена; у неё дрожал подбородок, и она стиснула зубы, чтобы справиться с этим. – Я тебе утром говорила, что наконец начинаю чувствовать себя человеком. Ты же слышал, Витя, я прямо так и сказала.

Он провёл ладонью по лицу.

– Лен, я не собираюсь исчезать и оставлять тебя разби-

раться со всем одной. Дети знают, мы всё обсудили. Тебя никто не бросит, ты в любом случае останешься нашей семьёй.

Елена перестала вытирать слёзы. Рука так и осталась возле щеки.

– Подожди, какие дети знают? Ты сейчас про наших детей говоришь? – переспросила она, хотя других у них не было.

Виктор отвёл глаза, и этого движения оказалось достаточно, чтобы ей стало по-настоящему холодно.

– И Даша, и Паша в курсе. Они очень за тебя переживают, поэтому мы заранее поговорили, как всё сделать спокойнее.

Елена посмотрела на свой телефон. Он лежал рядом с вазой, экраном вверх. На нём всё ещё светилось сообщение из семейной группы: Даша прислала фотографию, на которой Соня сидела у бабушки на коленях и пыталась задуть свечи раньше неё.

– А со мной почему заранее не поговорили? – спросила она; голос стал неожиданно громким, и Виктор вздрогнул. – Вы там втроём сидели и решали, как мне будет спокойнее, а меня позвать не догадались?

– Мы не против тебя разговаривали, не надо это так воспринимать, – поспешил он, подаваясь вперёд. – Я объяснил детям ситуацию. Они взрослые люди и понимают, что в жизни всякое бывает.

Она взяла телефон, но пальцы не слушались. Елена дважды нажала не туда, открыла фотографию, увеличила собственное лицо и сразу закрыла.

Даша всё знала и утром, когда звонила уточнить, купили ли они хлеб, и вечером, когда поправляла матери волосы перед снимком. Когда сказала: «Мам, ты только завтра отоспись», – уже представляла, какой у неё будет завтрашний день.

– Что именно они понимают, Витя? Что ты шесть лет спал с другой женщиной, пока я здесь… – Елена не договорила, потому что голос сорвался, и с силой положила телефон на стол. – Какого чёрта вы вообще обсуждали меня без меня?

– Не кричи, пожалуйста, я же с тобой нормально разговариваю, – попросил он, и на лице у него появилось то выражение терпеливой усталости, от которого она разозлилась ещё сильнее.

– А я сейчас не могу нормально, представляешь? Не умею так, чтобы муж сообщил, что уходит, а я ещё подумала, как бы ему своим криком вечер не испортить, – ответила она, уже не пытаясь говорить тише.

Виктор откинулся на спинку стула и замолчал. Елена слышала собственное дыхание, слишком частое и шумное. Ей хотелось позвонить дочери, но она не знала, что спросит первым, и боялась, что вместо слов снова начнёт кричать.

– Не звони им сейчас, уже поздно, – сказал Виктор, посмотрев на телефон. – Даша, наверное, только Соню уложила, а Паше завтра рано вставать. Утром спокойно поговорите.

Елена подняла на него глаза.

– Ты даже сейчас мне объясняешь, кому когда удобно? А мне, Витя, когда должно было быть удобно всё это узнать?

Он сжал губы и больше ничего не сказал.

Елена встала, прошла на кухню и открыла шкафчик с чашками, хотя не собиралась пить чай. Потом закрыла его и упёрлась ладонями в край столешницы. На подоконнике лежал хлеб, который она купила утром специально для Виктора. В ближайшем магазине его не было, пришлось зайти ещё в один. Она торопилась домой, сердясь на очередь, потому что нужно было успеть накрыть стол.

Муж появился в дверях, но близко не подошёл.

– Я понимаю, что ты сейчас меня ненавидишь. Только я всё равно буду помогать, и детям ничего за меня объяснять не нужно: они знают, что я не собираюсь оставлять тебя без поддержки, – произнёс он негромко.

Елена обернулась. От этих спокойных обещаний ей становилось хуже, чем от признания в любви к Марине.

– Ты сейчас сам слышишь, что говоришь? Уходишь к другой бабе и тут же объясняешь, что меня никто не бросит, – сказала она, глядя ему прямо в лицо. – Мне что с этой твоей помощью делать сегодня ночью, Витя?

Он шагнул к ней и положил руку на плечо. Жест был такой знакомый, что Елена на мгновение почти повернулась к нему всем телом. Хотелось уткнуться в рубашку, почувствовать его ладонь на затылке, услышать, что случилась какая-то нелепая ошибка и сейчас всё закончится.

Она отстранилась, но не резко, а как человек, у которого болит место, до которого нечаянно дотронулись.

– Не надо меня сейчас трогать, пожалуйста. Я от этого вообще перестаю понимать, что происходит, – попросила она, и он убрал руку.

Несколько секунд они стояли рядом. Елена смотрела на его шею, на светлую полоску кожи над воротником и никак не могла соединить этого человека с тем, что только что узнала.

– Ты сегодня собираешься к ней ехать? Она тебя сейчас ждёт? – спросила она наконец.

Виктор помедлил.

– Мы договорились, что я сегодня с тобой поговорю. Но я могу остаться, переночевать внизу, если тебе так будет легче.

Елена кивнула, будто услышала что-то вполне разумное.

– А вещи ты уже собрал или мне сейчас ещё нужно будет смотреть, как ты по шкафам ходишь?

Он потёр лоб и ответил не сразу:

– Основное я забрал днём, сумка в машине. Остальное потом, тут же ничего срочного нет.

Елена отвернулась к окну. Днём она отправляла его за льдом и минеральной водой. Он задержался, а она потом ещё попросила прощения за то, что позвонила и поторопила.

– Пока я стол накрывала, значит, ты уже сумку уносил, – сказала она, прижимая пальцы к холодному подоконнику. – И всё равно пришёл, сел рядом, ел, слушал поздравления. Ты

хоть раз за весь вечер подумал, как я себя потом почувствую?

– Я думал об этом постоянно, Лен. Именно поэтому мне было так трудно начать разговор.

Она посмотрела на него и поняла, что больше не может слушать. Любой его ответ требовал от неё чего-то невозможного: понять, учесть, пожалеть, признать, что и ему тоже было тяжело.

– Ты езжай, пожалуйста. Не надо оставаться внизу и делать вид, что просто поссорились, потому что я тебя ночью всё равно услышу и опять приду разговаривать, – сказала она; слёзы снова потекли, но вытирать их уже не хотелось.

Виктор постоял ещё немного, потом вышел в прихожую. Она слышала, как он достал из шкафа куртку, как звякнули ключи на полочке. Всё происходило с мучительной неторопливостью, будто он специально оставлял ей время передумать.

Елена вышла следом и остановилась в дверях гостиной.

Он сидел на скамье и завязывал ботинки. Один шнурок перекрутился, Виктор сердито выдернул его из-под другого. Елена знала, что если сейчас не поправить, узел потом будет давить на подъём. Она столько раз говорила ему не затягивать сразу слишком сильно.

– Я завтра позвоню, ладно? Не будем сейчас пытаться решить всё за один вечер, – сказал он, поднимаясь.

– Ты только детям больше не объясняй, что со мной нужно делать. Я сама с ними поговорю, когда смогу, – попросила

Елена; она смотрела ему в лицо, стараясь запомнить, как он выглядит в эту минуту, но слёзы всё время мешали.

Виктор кивнул. Потом зачем-то проверил карман куртки, хотя телефон уже держал в руке.

– С днём рождения, Лен. Я правда не хотел, чтобы всё вот так получилось, – произнёс он тихо, и уголки его рта дрогнули.

Она закрыла глаза, потому что отвечать на это было нечем.

Входная дверь захлопнулась негромко. Через несколько секунд включился свет у ворот, зашуршали по снегу колёса. Елена стояла в прихожей, пока не перестала слышать машину, а потом ещё немного, вслушиваясь в дорогу.

Ей казалось, он может вернуться. Не потому, что передумает, а потому, что забудет что-нибудь: зарядку, папку с документами, очки для чтения. Тогда придётся снова открывать дверь, смотреть ему в лицо и разговаривать, как будто они теперь умеют разговаривать иначе.

Она провернула внутреннюю защёлку и пошла на кухню.

Посудомойка уже закончила работать. На дисплее светился ноль, а Елена не помнила, когда стихло гудение.

Нужно было убрать еду. Не потому, что ей хотелось порядка, а потому, что больше она не знала, чем занять руки. Она достала контейнеры, переложила салат, накрыла плёнкой оставшееся мясо. Несколько раз останавливалась посреди движения, забыв, за чем потянулась, потом продолжала.

От торта остался большой кусок с ягодами и ещё один, поменьше, почти без крема. Виктор всегда просил срезать ему крем: говорил, что любит только коржи и начинку, а потом всё равно доедал с её тарелки.

Елена положила маленький кусок в стеклянный контейнер, которым пользовалась для его завтраков. Закрыла крышку, поставила на среднюю полку холодильника и только тогда поняла, что делает.

Она так и осталась стоять перед открытой дверцей.

Утром он не придёт на кухню, не спросит, где кофе, не возьмёт вилку, чтобы есть торт прямо из контейнера. Сейчас он, наверное, уже приехал. Марина открыла ему дверь, увидела сумку, спросила, как всё прошло.

Елена попыталась не представлять, что он ответил, но мысли не слушались. Он мог сказать, что она плакала и кричала, что разговор получился тяжёлым, хотя сам он старался объяснить всё спокойно.

Она закрыла холодильник, села на ближайший стул и заплакала так, что заболело под рёбрами. Прижимала ладонь ко рту, по привычке стараясь не шуметь, потом вспомнила, что разбудить некого, и от этого стало ещё хуже.

Ей хотелось, чтобы кто-нибудь пришёл и просто побыл рядом. Не рассказывал, что всё наладится, не объяснял, какие они с Виктором взрослые люди, а посидел на кухне, пока она не сможет нормально дышать.

Первой она подумала о Даше.

Елена всё-таки сходила в гостиную за телефоном, но номер дочери не набрала. Даша знала, и теперь даже желание позвонить ей причиняло боль.

На экране несколько раз загорался свет. Приходили поздние поздравления, кто-то присылал цветы в блёстках, кто-то желал долгих счастливых лет рядом с любимыми. Елена перевернула телефон и вытерла лицо краем кухонного полотенца.

В спальню она поднялась далеко за полночь. На комоде лежала коробочка от серёг, которые Виктор подарил утром. Ей тогда понравилось, что он запомнил: в магазине она долго рассматривала именно эти, небольшие, с тёплыми светлыми камнями.

Теперь серьги мешали, тянули мочки. Елена сняла их перед зеркалом, не поднимая глаз на своё отражение, и положила рядом с коробочкой.

С его стороны кровати одеяло было отогнуто так, как осталось утром. На тумбочке лежала книга с чеком вместо закладки. Елена посмотрела на неё и вдруг вспомнила, что ещё вчера ругалась на крошки в постели. Он ел печенье, она велела хотя бы подставить ладонь, и Виктор смеялся, говорил, что она всё видит.

Елена легла поверх покрывала, не раздеваясь. Через некоторое время замёрзла, стянула с себя праздничную блузку, переоделась в ночную рубашку и забралась под одеяло, не заходя в ванную. Остатки туши стягивали кожу возле глаз,

но сил смывать её не было.

Она несколько раз проваливалась в сон и сразу просыпалась, не понимая, что именно случилось. В первые секунды всё казалось обычным: темнота, окно, шкаф напротив кровати. Потом она поворачивала голову и вспоминала.

Один раз даже села, уверенная, что услышала шаги внизу. Прислушалась, узнала привычный щелчок остывающей трубы и легла обратно.

Под утро ей приснилось, что они собираются ехать к морю, а Виктор никак не может найти паспорт. Она ходила за ним по дому, открывала ящики и сердилась, потому что такси уже ждало. Когда проснулась, несколько секунд ещё пыталась вспомнить, не положила ли документы в верхний ящик комода.

На часах было без двух минут шесть. Обычно она просыпалась примерно в это время, чуть раньше его будильника, и лежала тихо, чтобы не разбудить мужа раньше положенного.

Елена посмотрела на пустую половину кровати и больше не стала закрывать глаза.

На кухне пахло вчерашней едой и цветами. Вода в вазе помутнела, одна роза опустила голову. Елена собралась подрезать стебли, но не смогла найти ножницы, хотя они лежали прямо перед ней.

Она поставила чайник и достала две чашки. Заметила это сразу, без вчерашнего запоздалого удивления, но вторую убирать не стала.

Телефон зазвонил, когда вода начала закипать.

На экране появилась фотография Даши с Соней: дочь щурилась от солнца, внучка держала перед собой мороженое и смеялась. Елена несколько секунд смотрела на них, потом ответила.

– Мам, привет. Ты уже встала? Я подумала, что ты всё равно, наверное, не спишь, – заговорила Даша осторожно, и по этой осторожности стало ясно, что спрашивать про самочувствие после праздника она не собирается.

Елена села за стол.

– Я уже встала, Даш. Ты что хотела мне сказать? – спросила она, прижимая телефон к уху обеими руками.

Дочь помолчала. На заднем плане тихо работал телевизор, потом звук исчез.

– Папа написал, что вы вчера поговорили. Мам, ты только, пожалуйста, не думай, что я против тебя или что мы тебя не любим, – произнесла Даша торопливо; к концу фразы голос у неё стал выше, как бывало всякий раз, когда она боялась расплакаться.

Елена посмотрела на вторую чашку. На её ручке оставался маленький скол, о который Виктор иногда царапал палец, но выбрасывать чашку не разрешал.

До этого звонка она ещё оставляла дочери возможность не знать. Виктор мог преувеличить, мог поговорить с детьми только вчера, мог сказать им что-то совсем другое. Ночью Елена несколько раз возвращалась к этой мысли, потому что

без неё становилось совсем невыносимо.

– Дашенька, ты мне сейчас только правду скажи, хорошо? – попросила она, и от собственного ласкового голоса у неё снова защипало глаза. – Ты знала ещё вчера, когда приехала меня поздравлять?

В трубке стало тихо. Елена слышала, как дочь дышит, и ждала, хотя ответ уже был понятен.

– Мам, он очень просил ничего тебе не говорить. Я всё время думала, что он сам раньше решится, – выговорила Даша, и последние слова у неё потонули в плаче.

Елена прижала свободную ладонь к губам. Ей хотелось, как всегда, успокоить дочь, попросить не плакать, сказать, что они во всём разберутся. Она уже набрала воздуха, чтобы произнести привычное «ну что ты, Дашенька», но так и не смогла заставить себя это сказать.

Глава 2. Кто ещё знал

– Даш, я не могу сейчас по телефону всё это обсуждать. Ты можешь приехать ко мне сегодня, только без Сони? – попросила Елена, дождавшись, когда дочь перестанет всхлипывать. – Я не хочу, чтобы она слушала, как мы с тобой разговариваем.

– Конечно, мам, я сейчас соберусь. Соню муж в садик отвезёт, а на работу я позвоню, скажу, что задержусь, – быстро ответила Даша; в её голосе появилось облегчение, и Елене стало больно оттого, что даже сейчас дочь ждала от неё какого-то разрешения не бояться.

Хотелось сразу предупредить, что она ничего не простила и пока вообще не понимает, как будет смотреть на собственных детей. Но это прозвучало бы как угроза, а угрожать Даше она не собиралась.

– Тогда приезжай, я буду дома. И Паше напиши, чтобы нашёл время со мной поговорить, – сказала Елена и положила телефон возле чашки.

Чайник давно выключился. Она налила себе кипятка, забыв положить заварку, и несколько секунд смотрела в чашку, не понимая, почему вода остаётся прозрачной. Потом достала чайный пакетик и опустила его в чашку.

До приезда дочери нужно было умыться. Елена поднялась в ванную, посмотрела в зеркало и не сразу узнала своё ли-

цо: опухшие веки, серые разводы под глазами, примятые на одной стороне волосы. Вчера перед праздником она долго укладывала их круглой щёткой, злилась, что справа никак не получается нужный изгиб. Виктор стоял за дверью и спрашивал, скоро ли она освободится.

Теперь ванная была полностью в её распоряжении.

Она долго держала ладони под тёплой водой, потом смыла остатки косметики и расчесалась. На полочке рядом с её кремом стоял Викторов флакон после бритья. Елена взяла его, собираясь убрать в шкафчик, но передумала и поставила обратно. От того, что флакон исчезнет с полки, легче не станет.

Телефон завибрировал уже в спальне. Написал Паша.

«Мам, я на работе. Через пару часов смогу выйти и нормально поговорить. Ты как?»

Елена перечитала последние два слова. Ей хотелось спросить, на какой ответ он рассчитывает, но она стёрла начатое сообщение и написала только, что Даша скоро приедет и они будут ждать его звонка.

Потом всё-таки добавила:

«Я очень плохо, Паш».

Ответ появился почти сразу.

«Я понимаю. Постараюсь освободиться раньше».

Елена положила телефон на комод. Ей казалось, что все вокруг понимают происходящее гораздо лучше неё. Они знали, как давно это началось, кто чего хочет и чего нужно

опасаться. Она одна со вчерашнего вечера не могла даже решить, куда деть оставленную для мужа чашку.

Даша приехала меньше чем через час. Елена увидела из окна, как дочь вышла из машины, достала с заднего сиденья два пакета и остановилась у калитки, прижимая их к себе. Обычно она заходила быстро, ещё со двора начинала звать мать или говорить по телефону. Сегодня долго возилась с защёлкой.

Елена открыла входную дверь раньше звонка.

– Я тебе кое-что привезла, там творог, йогурты, фрукты. Подумала, что ты сегодня никуда не пойдёшь, – заговорила Даша, переступая порог; глаза у неё были красные, а на щеке осталась полоска от шарфа.

– У меня полный холодильник после вчерашнего, Даш. Мы же ещё тебе половину еды с собой собирали, – ответила Елена и отступила, пропуская её в прихожую.

Дочь поставила пакеты на скамью и потянулась обнять мать. Елена не отстранилась, но руки подняла не сразу. От Даши пахло холодным воздухом и знакомыми духами, которые они вместе выбирали перед Новым годом.

– Мамочка, я так боялась к тебе ехать, ты не представляешь, – прошептала дочь, уткнувшись ей в плечо.

Елена осторожно освободилась.

– Я тоже не представляю, как мы сейчас будем разговаривать, но всё равно надо. Раздевайся, только шарф сними, он у тебя мокрый от снега.

Даша послушно размотала шарф. Елена взяла его, расправила на спинке стула возле батареи и сразу рассердилась на себя: она всё ещё могла заметить мокрый шарф и позаботиться о нём раньше, чем справиться с тем, зачем дочь приехала.

На кухне Даша принялась доставать продукты. Поставила на стол бананы, два стаканчика йогурта, пакет творога, потом открыла холодильник и замерла перед плотно заставленными полками.

– Оставь пока здесь, потом разберём, – попросила Елена, садясь за стол. – Ты лучше сядь и расскажи, когда узнала про отца.

Дочь закрыла холодильник и потянулась к стулу, но садилась медленно, будто ещё надеялась, что разговор начнётся с чего-нибудь другого.

– Это было весной, мам, в мае. Я тогда в обед вышла из офиса, нужно было в банк зайти, и увидела папу возле кафе, – сказала она, теребя молнию на сумке. – Он был с женщиной. Я сначала даже обрадовалась, хотела подойти, а потом он её поцеловал.

Елена посмотрела на календарь, висевший возле окна. На январской странице Соня обвела розовым фломастером день её рождения.

– В мае ты его увидела, а сейчас уже январь заканчивается. Больше восьми месяцев, Даша, ты столько времени ничего мне не говорила? – спросила она, чувствуя, как снова

начинает дрожать подбородок.

– Я не собиралась столько молчать. Он сказал, что сам тебе расскажет, и попросил не вмешиваться, потому что это его разговор, – ответила Даша торопливо, не поднимая глаз. – Я ему сразу позвонила, как только он уехал. Спросила, что это вообще такое.

– И что он тебе ответил? Что случайно поцеловал чужую женщину, а ты неправильно поняла? – Елена попыталась говорить ровно, но последние слова всё равно прозвучали зло.

Даша вздрогнула и наконец посмотрела на неё.

– Нет, мам, он сразу сказал, что у них отношения. Я на него орала, если тебе это важно. Прямо там, на улице, стояла и орала в телефон, потому что тоже ничего не понимала, – проговорила она; губы у неё задрожали, и она прижала к ним пальцы.

Елена молчала. Она представляла эту улицу, дочь возле банка, Виктора в машине. Они разговаривали о том, что происходило в её браке, пока она, скорее всего, была дома с Ниной Петровной.

В мае свекрови уже почти постоянно требовалась помощь. Иногда она не могла сама удержать чашку, а потом вдруг начинала сердиться на Елену за то, что чай слишком горячий или подушка лежит не так. В хорошие дни просила посадить её у окна и рассказывала про свой старый двор, называя по именам людей, которых Лена никогда не видела.

– Потом папа приехал ко мне после работы, – продолжи-

ла Даша, приняв молчание матери за разрешение объяснять дальше. – Мы сидели в машине, он говорил, что сам не знает, как теперь быть. Что любит тебя, что ты для него родной человек, но всё получилось сложнее, чем он думал.

Елена опустила взгляд на стол. Край скатерти ещё был влажным: утром она пыталась отмыть пятно от Сониного сока, не снимая её целиком.

– А про бабушку он говорил? Наверняка объяснил, что мне и без того тяжело, – спросила она, проводя пальцем по влажной ткани.

Даша кивнула.

– Он сказал, что ты совсем не спишь, что у тебя давление скачет и что, если я сейчас приду с этим разговором, тебе станет ещё хуже. Мам, я же видела, в каком ты состоянии. Ты иногда по телефону засыпала, пока мы разговаривали, – произнесла она с отчаянием. – Я правда испугалась за тебя.

Елена помнила эти разговоры. Устраивалась на диване с телефоном, спрашивала, как Соня, слушала про садик, про Дашину работу и в какой-то момент переставала понимать слова. Дочь звала её, она вздрагивала, извинялась и объясняла, что просто прилегла на минутку.

Тогда ей казалось, Даша звонит, потому что скучает.

– А потом бабушки не стало, – сказала Елена, подняв глаза. – Три месяца назад, Даш. Что вам мешало сказать мне после похорон?

Дочь отвела взгляд к окну.

– Ты первые недели вообще как будто не здесь была. Я приезжала, а ты всё ходила в её комнату, проверяла что-то. Потом только немного успокоилась, начала про отпуск говорить, про юбилей, – ответила она тише. – Я каждый раз думала, что сейчас нельзя. А папа обещал, что поговорит.

– Он обещал, а ты просто ждала, пока у меня найдётся подходящий день для такого известия? – спросила Елена; голос поднялся сам собой, и Даша вжала голову в плечи. – Ты со мной свитер ему выбирала на Новый год, помнишь? Мы два магазина обошли, потому что я боялась, что ему цвет не понравится. Ты ведь тогда всё знала.

Даша вытерла нос тыльной стороной ладони, совсем как в детстве, когда сердилась и не хотела искать платок.

– Мам, ну что я должна была сделать посреди магазина? Сказать тебе, чтобы ты ничего ему не покупала, потому что у него другая женщина? – воскликнула она, и на лице у неё проступило уже не только горе, но и раздражение. – Ты сейчас так со мной разговариваешь, будто это я тебе изменяла.

Елена отодвинула стул и встала. Сидеть стало невозможно: хотелось куда-то деть руки, пройтись, сделать хоть что-нибудь, кроме этого разговора, в котором дочь уже защищалась от неё.

– Нет, Даша, изменял мне твой отец. Я это прекрасно понимаю, – сказала она, повернувшись к дочери. – Но ты знала, что он меня обманывает, и продолжала со мной разговаривать так, будто ничего не происходит. Я тебе жаловалась,

что он опять уезжает на выходные, а ты отвечала, что у него работа.

– Я не знала, где он бывает каждый раз! Он мне не отчитывался, с кем и куда поехал, – возразила Даша, покраснев. – Я один раз узнала, и всё. Дальше я тоже жила как могла, растила ребёнка, работала, пыталась понять, что с этим делать.

– Ты могла хотя бы не объяснять мне, какой он занятой, когда сама не знала, на работе он или у неё, – ответила Елена; теперь она говорила тише, но Даша от этого заплакала сильнее.

На краю стола лежала пачка бумажных салфеток. Елена подвинула её к дочери и тут же отвернулась, потому что смотреть на её мокрое лицо было тяжело.

Она знала, что Даша любит её. Помнила, как та ещё прошлой зимой приезжала с Соней и оставалась до вечера, чтобы мать могла поспать. Как мыла Нине Петровне голову, пока Елена держала таз, как потом сидела рядом с ней на кухне и ела холодные сырники.

От этого молчание дочери казалось ещё непонятнее.

– Я не прошу тебя отвечать за отца, – сказала Елена, снова садясь. – Но ты хотя бы не говори, что ничего не могла сделать. Ты могла со мной поговорить, Даш. Я бы, может, сначала тоже на тебя накричала, не поверила, стала бы его защищать. Не знаю. Только это была бы моя жизнь, и я хотя бы знала, что в ней происходит.

Дочь скомкала салфетку и долго вертела её в пальцах.

– Мне казалось, что, если всё скажу я, ты потом будешь вспоминать именно меня. Что это я пришла и всё разрушила, – призналась она почти шёпотом, глядя куда-то мимо матери.

Елена закрыла глаза. В этих словах было больше правды, чем во всех предыдущих объяснениях про её давление и усталость.

– А сейчас как мне на тебя смотреть, ты думала? – спросила она, открыв глаза. – Я вчера сидела между вами и ничего не знала. Мне сегодня страшно вспомнить любую мелочь с того вечера, потому что я не понимаю, кто ещё был в курсе.

– Никто из гостей, мам, я никому не рассказывала, – быстро сказала Даша. – И Паша узнал совсем недавно, папа ему сам позвонил.

Елена потянулась за телефоном. Ей хотелось, чтобы сын уже ответил, чтобы не сидеть ещё два часа, придумывая, что именно означает это «совсем недавно».

Но звонок пришёл сам, пока она держала телефон в руке.

Паша звонил по видеосвязи. Елена поставила аппарат возле сахарницы, оперев его о вазу, и немного отодвинулась, чтобы в кадр попала Даша.

На экране появился сын в знакомом тёмном свитере. За его спиной была светлая стена и закрытая дверь. Он посмотрел на мать, и лицо у него сразу изменилось: исчезла напряжённая улыбка, с которой он, видимо, собирался начать разговор.

– Мам, я переговорную нашёл, тут никто не помешает. Извини, что не сразу позвонил, у нас с утра встреча была, – сказал он, наклоняясь ближе к экрану.

– Я понимаю, что ты работаешь, Паш. Ты мне только скажи, когда отец с тобой поговорил, – попросила Елена, стараясь смотреть ему в глаза, хотя они всё время оказывались чуть ниже камеры.

Сын потёр шею под воротом свитера.

– Около двух недель назад, в воскресенье. Сначала спросил, как у меня дела, а потом сказал, что собирается от тебя уходить, – ответил он. – Я думал, вы уже это обсуждали. Он так говорил, будто ты догадываешься, просто пока не хочешь ничего решать.

Елена невольно подалась к телефону.

– Что именно я не хотела решать, он тебе объяснил? Я с ним к морю собиралась, Паша. Отель выбирала, фотографии ему показывала, спрашивала, когда отпуск возьмёт.

Сын опустил глаза. На несколько секунд в кадре осталась только его макушка.

– Он сказал, что сам с тобой поговорит и что это должно быть между вами. Я решил не лезть, потому что не знал, как вообще начинать такой разговор, – произнёс Паша, снова посмотрев на мать. – Мне теперь ясно, что это было подурацки, но тогда я правда не понимал, что делать.

– А между собой вы с Дашей поговорили? Отец вчера сказал, что вы всё обсудили, – спросила Елена; она чувствовала,

как у неё снова пересыхает во рту.

Паша посмотрел в сторону сестры.

– Мы созвонились на прошлой неделе. Думали, как тебе помочь, чтобы ты не оставалась одна. Даша здесь, рядом, я могу приезжать чаще, по деньгам тоже…

– Пашенька, подожди, пожалуйста, – перебила его Елена, подняв ладонь. – Я сейчас не про деньги спрашиваю. Вы решили, что папа уйдёт, я поплачу, а потом вы будете ко мне по очереди приезжать, и так всё как-нибудь устроится?

– Мам, ну не так мы это обсуждали, зачем ты всё выворачиваешь? – вмешалась Даша, с обидой глядя на неё. – Мы переживали, как ты будешь здесь одна.

Елена повернулась к дочери.

– Я не знаю, как вы это обсуждали, меня же с вами не было. Мне только вчера рассказали, что за меня уже все переживают.

Даша отвернулась и вытерла глаза новой салфеткой. Паша молчал, сжав губы. Елена смотрела на них обоих и вдруг почувствовала, что ещё немного – и начнёт извиняться за собственный голос, за то, что не может спокойно принять их заботу.

Ей захотелось, чтобы они сказали что-нибудь другое. Не про то, как собираются помогать, а про тот момент, когда решили, что мать можно оставить в неведении ещё на день, на неделю, до какого-нибудь более удобного времени.

– Я не хотел выбирать между вами, – произнёс Паша на-

конец, нахмурившись. – Он мой отец, ты моя мама. Я понимаю, что он сделал, но я не знал, как поступить, чтобы не стало ещё хуже.

– Я не прошу тебя перестать его любить, – ответила Елена. – Только не надо было вместе с ним делать вид, что у нас всё хорошо. Ты вчера меня поздравлял, говорил, чтобы мы с папой отдыхали побольше. Как ты это говорил, Паш?

Он провёл ладонью по лицу.

– Не знаю, мам. Нормально объяснить не могу, потому что сам сейчас слушаю и понимаю, как это звучит, – сказал он глухо. – Я хотел обычного разговора, как всегда. Думал, что папа потом всё скажет, а мне не придётся…

Он не закончил, и Елена не стала помогать.

За окном проехала машина. Даша подняла голову на звук и снова опустила её, разглядывая свои руки.

– Я в выходные приеду, – сказал Паша после паузы. – Не с папой, сам. И не для того, чтобы вас мирить. Просто приеду к тебе.

Елена кивнула, хотя не была уверена, видно ли это на экране.

– Приезжай, конечно. Я же не перестала быть твоей матерью, – ответила она, и голос всё-таки сорвался.

Сын тоже заметно растерялся. Он что-то начал говорить, потом остановился и только смотрел на неё, пока Елена пыталась вытереть лицо так, чтобы не заслонить камеру.

Разговор закончился неловко. Паша ещё раз извинился,

пообещал вечером написать про билеты и отключился. Елена некоторое время держала телефон в руке, хотя экран уже погас.

Даша встала и начала собирать со стола салфетки. Потом нашла место в холодильнике для привезённых продуктов, вымыла две чашки и протёрла стол возле раковины.

Елена наблюдала за ней, узнавая собственные движения.

– Мам, мне надо на работу всё-таки заехать. Я могу потом вернуться, ужин привезти или остаться у тебя, – предложила Даша, не оборачиваясь; по напряжённой спине было видно, как она ждёт ответа.

– Не надо пока, Даш. Я сегодня хочу немного одна побыть, – сказала Елена, а когда дочь повернулась к ней с испуганным лицом, добавила: – Я не говорю, чтобы ты больше не приезжала. Просто сегодня я больше не могу.

В прихожей Даша долго застёгивала куртку. Елена сняла со спинки стула возле батареи её шарф и протянула, стараясь не смотреть, как у дочери снова кривится рот.

– Ты очень на меня теперь злишься, да? – спросила Даша, наматывая шарф неровными витками. – Я понимаю, что сама виновата, только мне страшно, что ты больше ничего не будешь мне рассказывать.

Елена поправила выбившийся край, прежде чем успела остановить руку.

– Я пока не знаю, как будет, Дашенька. Сегодня я и злюсь, и скучаю по тебе, хотя ты стоишь рядом. Не проси меня сей-

час сказать, что всё хорошо.

Дочь обняла её снова. На этот раз Елена обняла в ответ, но легче от этого не стало ни одной из них.

После её ухода в доме ещё некоторое время пахло духами. Елена убрала со скамьи пустой пакет, подошла к окну и посмотрела, как Даша заводит машину. Та не сразу тронулась с места, сидела, склонившись над рулём, потом вытерла лицо и включила поворотник.

Елена отошла от окна, потому что уже собиралась выбежать следом.

Нужно было хоть что-нибудь съесть. Она достала из холодильника тарелку с мясом, посмотрела на неё и поставила обратно. Банан из Дашиного пакета оказался слишком сладким, но половину она всё-таки заставила себя проглотить.

Потом снова взяла телефон.

Она не собиралась ничего искать. Просто открыла переписку с Виктором и долго смотрела на последнее сообщение, присланное вчера днём.

«Лёд купил. Минералку тоже. Скоро буду».

Елена помнила, как обрадовалась этому короткому сообщению. Значит, успевает, значит, не придётся самой никуда бежать. В это время его вещи уже лежали в машине.

Она пролистала переписку выше. Покупки, фотографии счётчиков, напоминание забрать заказ, снимок Сони с утренника. Иногда попадались её длинные сообщения про Нину Петровну, врача, лекарства, которые нужно было привезти.

Виктор отвечал коротко: «Хорошо», «Посмотрю», «Позже наберу».

Елена открыла общие фотографии. Среди снимков коробок, документов и ценников попадались снимки мужа: то за чужим столом, то возле гостиницы, то в машине. Она всегда была рада, когда он присылал фотографию из поездки. Казалось, он помнит о ней, хочет показать, где находится.

На одном снимке Виктор стоял перед входом в гостиницу, придерживая рукой край расстёгнутого пальто. За стеклянными дверями горели жёлтые лампы, на ступенях лежал мокрый снег. Он улыбался человеку, который его фотографировал, слегка наклонив голову.

Елена увеличила снимок и посмотрела на дату.

Это была ноябрьская поездка, больше года назад. Он тогда уехал на выставку, говорил, что отказаться нельзя, потому что всё уже согласовано и на него рассчитывают.

В тот вечер Нина Петровна упала.

Елена помнила, как услышала глухой стук из её комнаты. Побежала, увидела свекровь на полу возле кровати и сначала испугалась, что та потеряла сознание. Но Нина Петровна повернула к ней лицо и заплакала от стыда: хотела сама дотянуться до стакана, не стала звать.

Лена пыталась её приподнять, подложила под спину сложенное одеяло, потом поняла, что одна не справится. У самой дрожали руки, Нина Петровна жаловалась на боль и всё повторяла, чтобы Лена только не надорвалась.

Она звонила Виктору.

Елена вернулась из фотографий в переписку и нашла тот день. Снимок был прислан минут за двадцать до её первого сообщения.

«Вить, позвони, пожалуйста. Мама упала, я не могу её поднять».

Ниже были отмечены два звонка, на которые он не ответил.

Потом ещё одно сообщение:

«Я вызвала скорую. Сосед пришёл, помог. Перезвони, как сможешь».

Виктор ответил почти через час:

«Я сейчас с людьми, не могу выйти. Что говорят?»

Елена провела пальцем по экрану, словно текст мог измениться от прикосновения.

Тогда она не рассердилась. Подумала, что действительно сидит с кем-то важным, что ему неудобно выйти, что она сама уже всё сделала и нечего его дёргать. Даже написала потом, чтобы не волновался.

Она помнила, как долго после отъезда врачей сидела на краю кровати Нины Петровны. Свекровь держала её за рукав и не отпускала, хотя сама уже начинала засыпать. Елена осталась рядом, потому что боялась снова услышать падение.

Виктор позвонил поздно. Спросил, всё ли обошлось, выслушал её сбивчивый рассказ и сказал, что завтра будет дома.

На фотографии он выглядел совершенно счастливым.

Елена отложила телефон, потом снова взяла. Она не знала, была ли Марина с ним в той поездке. Не знала, кто стоял по другую сторону камеры. Пока это было только страшное предположение, но после вчерашнего оно казалось вероятнее любых деловых встреч.

Она нашла в той же переписке сообщения за другой день, когда просила мужа вернуться пораньше, потому что сама заболела. Помнила, как сидела на кухне, завернувшись в одеяло, и ждала, пока закипит вода для свекрови.

«Вить, у меня почти тридцать девять. Ты можешь сегодня без задержек? Мне тяжело одной».

Он ответил, что у него ужин с заказчиком, уже договорились, перенести невозможно.

Раньше Елена читала это как объяснение. Теперь не могла понять, было ли там хоть одно правдивое слово.

Она положила телефон экраном вниз и прижала ладони к глазам. Не хотелось проживать заново каждый вечер, в котором ей было плохо, и выяснять, чем в это время занимался муж. Но оставить всё как есть тоже не получалось. Слова «шесть лет» были слишком большими и непонятными. В них помещались все эти отдельные дни, когда она ему верила.

Виктор позвонил ближе к четырём.

– Лен, привет. Я хотел узнать, как ты, с детьми удалось поговорить? – спросил он осторожно, и Елена услышала на заднем плане знакомый шум его рабочего кабинета.

– Удалось, Витя. Ты можешь после работы приехать? Мне нужно тебя кое о чём спросить, – ответила она, глядя на лежавшие перед ней салфетки.

Он согласился сразу. Спросил, привезти ли что-нибудь из магазина, и Елена неожиданно для себя рассердилась.

– Не нужно мне ничего везти. У меня дома еды столько, что я не знаю, куда её девать, – сказала она резче, чем собиралась, и отключилась, не дожидаясь ответа.

Пока ждала его, она наконец сняла со стола скатерть. Пятно от сока так и не отмылось, но сейчас это уже не имело значения. Елена отнесла её в ванную, положила в корзину и вернулась на кухню.

Виктор приехал, когда за окнами начало темнеть. Позвонил от калитки, хотя у него были ключи, и Елена сама вышла открыть.

Он выглядел усталым. Под глазами залегли тени, на подбородке был маленький порез от бритья. Елена заметила его сразу и с досадой подумала, что даже теперь смотрит на мужа слишком внимательно.

– Ты хоть ела сегодня? – спросил он, снимая куртку. – У тебя такой вид, будто ты вообще не ложилась.

– Я почти и не спала, Витя. Проходи на кухню, пожалуйста, я не хочу здесь стоять.

Он пошёл впереди и сел на своё обычное место. Елена поставила перед ним телефон с открытой фотографией.

– Ты помнишь эту поездку? Ноябрь, выставка, ты на три

дня уезжал, – сказала она, садясь напротив. – Меня интересует, кто тебя здесь фотографировал.

Виктор взял телефон, приблизил к глазам, потом вернул на стол.

– Марина была со мной, если ты об этом спрашиваешь. Но я действительно ездил по работе, там были встречи, выставка, всё как я говорил, – ответил он, проведя большим пальцем по краю телефона.

Елена смотрела на его руку. Совсем недавно она могла взять её в свою, погладить костяшки, спросить, почему кожа опять обветрилась.

– В тот вечер твоя мама упала, – напомнила она. – Я тебе звонила, а ты написал, что сидишь с людьми и выйти не можешь. Ты с ней в это время был?

Виктор поднял глаза и снова посмотрел на фотографию, словно дата могла ему помочь.

– Лен, я сейчас не помню по минутам, что происходило больше года назад. Мы могли ужинать с коллегами, Марина иногда ходила со мной, – сказал он, нахмурившись. – Но я же перезвонил потом. Ты сказала, что всё обошлось.

Елена почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

– Потому что к тому времени всё уже сделали без тебя. Сосед пришёл, врачи приехали, я ей постель перестелила, переодела её, рядом сидела, – проговорила она, всё сильнее сжимая ладони. – Ты даже не спросил, как я её с пола поднимала. Я тогда решила, что ты устал, что у тебя работа, что

мне не надо ещё и этим тебя грузить.

Он отодвинул телефон.

– Я в другом городе был, Лен. Даже если бы сразу взял трубку, приехать всё равно не смог бы.

– Позвонить ты мог, Витя! – выкрикнула она и сама вздрогнула от своего голоса. – Спросить мог, как мы там, не через час, не ночью, а когда я тебе звонила. Или хотя бы потом сказать правду, что ты не один туда поехал.

Виктор сжал губы и отвернулся. Елена видела, как он старается не раздражаться, и от этого становилось почти невыносимо. Она не хотела быть человеком, чью истерику нужно терпеливо переждать.

– Я не собираюсь тебя допрашивать за каждый день, – сказала она, заставив себя говорить тише. – Но я теперь не понимаю, где ты вообще был все эти годы. В тот вечер, когда у меня температура была и ты на ужин с заказчиком пошёл, ты тоже с ней встречался?

– Возможно, с ней. Я не могу сейчас всё восстановить, – ответил Виктор, устало потирая лицо. – Да, я врал, и это было плохо. Ты хочешь, чтобы я это сказал? Я говорю. Только зачем нам теперь вытаскивать каждый случай и снова друг друга мучить?

Елена долго смотрела на него.

– А ты вчера меня мучил или просто рассказал, как дальше решил жить? – спросила она; глаза у неё наполнились слезами, но вытирать их не хотелось. – Для тебя это давно

всё происходит, а я со вчерашнего вечера только и делаю, что вспоминаю. Мне кажется, я половину своей жизни теперь не узнаю.

Виктор опустил голову. На столе между ними лежал телефон, и на экране всё ещё был снимок улыбающегося Виктора.

Елена вспомнила, как однажды Нина Петровна попросила её не жаловаться сыну. Не со зла, даже ласково сказала: у него на работе и так хватает неприятностей, не нужно ещё домашним загружать. Лена тогда обиделась, потом решила, что со старого больного человека спрос невелик.

Теперь оказалось, что Виктор и без материнских просьб прекрасно умел не замечать то, что ему мешало.

– Почему ты раньше не ушёл? – спросила она наконец. – Я не про вчера и не про день рождения. Если ты её столько лет любишь и хочешь с ней жить, зачем было всё это продолжать?

Он выпрямился, и на лице у него появилось выражение человека, который наконец услышал вопрос, на который у него есть ответ.

– Сначала я сам не понимал, насколько это серьёзно. Потом мама заболела, всё на нас навалилось, – объяснил он, глядя на Елену почти с надеждой. – Как бы я ушёл в такой момент? Как бы я оставил тебя одну с мамой?

Елена медленно провела ладонью по мокрой щеке.

Ей вспомнилось, как он возвращался из поездок. Ставил

сумку в прихожей, спрашивал, что у них нового, шёл мыть руки. Иногда заглядывал к матери, садился на несколько минут возле кровати. Потом звал Лену на кухню, просил разогреть еду и рассказывал, как устал.

Она слушала, пока накрывала на стол. Если Нина Петровна звала из комнаты, вставала и шла к ней. Виктор продолжал ужинать.

– Ты не меня не мог оставить, Витя. Ты маму не мог оставить без меня, – сказала Елена, не отводя от него глаз. Голос дрожал, и ей пришлось сглотнуть, прежде чем продолжить: – Если бы ты ушёл, тебе пришлось бы решать, кто будет за ней смотреть, кто ночью к ней встанет, кто с врачами поговорит. А так ты знал, что я никуда не денусь. Она же твоя мать, как я могла её бросить?

Виктор открыл рот, но ничего не сказал. Елена ждала, всё ещё надеясь услышать возражение, какое-нибудь объяснение, которое ей самой не пришло в голову.

Он посмотрел на её руки, потом на телефон и наконец опустил глаза. Ответа у него не было, а Елена впервые за этот разговор не стала задавать следующий вопрос, чтобы избавить его от необходимости отвечать на предыдущий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.